

ББК 63.3(20614-361

М.С. Чудакова

Агентурная сеть Государственного политического управления (Объединенного государственного политического управления) в борьбе с оппозицией

Ключевые слова: советский период, агентурное наблюдение, оппозиция, антисоветские партии.

Key words: the Soviet period, secret-service supervision, opposition, anti-soviet parties.

В дореволюционный период действовала весьма разветвленная сеть агентурного наблюдения за оппозицией. Внутреннюю агентуру представляли секретные сотрудники и осведомители, внешнюю – филеры, вспомогательные и «боковые» агенты. У дореволюционных коллег чекисты заимствовали систему организации агентурного наблюдения, правда, на принципиально иной основе.

Стало больше так называемых идейных сотрудников, которые работали не только за материальное вознаграждение. Практически исчез такой вид, как вспомогательная агентура. Существенно упорядочилась система учета секретных агентов: введены картотеки наблюдаемых с указанием «клички» агента, осуществлявшего надзор (формирование и упорядочение картотек заняло несколько десятилетий и захватило даже 50-е гг.).

Численный состав агентуры также имел различия. Если до революции, как правило, на одну организацию приходилось два агента, то в советское время (и это прослеживается в документах) – персональная опека на члена антисоветских групп варьировалась от двух до четырех агентов. К осведомлению при необходимости активно призывались члены партии, но такую практику не поддерживали партийные органы. Многие антисоветские структуры оказались раскрыты по результатам информации, поступившей от рядовых большевиков или беспартийных. Более значительные белогвардейские группы и организации разрабатывались весьма долго и, разумеется, с помощью агентуры. В ее роли выступали либо члены самих подобных структур, обманутые и запуганные их главарями, либо специально внедренные сотрудники.

Изменение политической обстановки и учреждение Государственного политического управления (ГПУ) вызвали корректировку деятельности секретного аппарата. В протоколе совещания начальника Яргуботдела ГПУ, начальников транспортных отделов ГПУ отмечалось: «Появление всевозможных частных предприятий, учреждений и организаций еще далеко нам не известных по намерениям деятельности, переход антисоветского элемента от способов открытой враждебной работы к более утонченному способу... требует постановку секретного аппарата, его работу

почти коренным образом изменить» [1, л. 24]. Констатировалось, что постепенно велось высвобождение секретного аппарата от «малороботоспособных элементов».

Вполне конкретно формулировалась задача госбезопасности в сфере агентурного наблюдения: «...не только запустить свои шупальца во все темные местечки с поповскими занавесками, но и взять на учет не только на бумаге, но в действительности на живой учет весь имеющийся антисоветский элемент... и поставить его под наш повседневный надзор. Для этого необходимы известные вполне законные условия. При таких условиях, в каких мы сейчас находимся..., весьма сомнительно... достигнуть каких-либо положительных результатов» [1, л. 24]. Среди недостатков отмечен и относительно низкий политический уровень сотрудников («недостаток, от которого страдает партия в целом»), недостаточная материальная обеспеченность и не удовлетворительный качественный состав сотрудников (при наличии 60% коммунистов).

Степень информированности органов ГПУ об оппозиционном элементе по-прежнему зависела от эффективности работы секретной агентуры. Система учета донесений последней в определенной степени напоминала дореволюционную. Требовалось записывать следующее: кто сообщил, краткое содержание донесения осведомителей, степень достоверности, а также какие сделаны распоряжения и план действий на ближайшее будущее [2, л. 60].

Так, в Московской губернии донесения были скомпонованы по нескольким группам: 1. Полиграфические предприятия; 2. Увеселительные заведения; 3. Почтово-телеграфное ведомство. Сотрудник «Крюков» (типография «Рабочее дело») сообщал: «Рабочие очень интересуются происходящей внутривнутрипартийной дискуссией, многие из них рассматривают эту дискуссию как грызню между отдельными группами в партии» [2, л. 60]. Актуальность данного вопроса подтверждал в своем донесении агент «Губкин» (кафе нарпита №1), отмечая, что «среди посетителей можно слышать разговоры о происходящем, якобы, в партии расколе и что тов. Зиновьева скоро сместят с занимаемой должности» [2, л. 60].

Работающий во втором почтовом отделении сотрудник «Соловьев» отмечал: «Среди работников отделения большая антипатия к происходящей дискуссии как к возможности раскола партии и возможных новых кровопролитий и перемены государ-

ственного строя» [2, л. 61]. Несколько иным было отношение рабочих типографии «Художественная печать». Сотрудник «Бывалый» сообщал: «Эта дискуссия необходима для того, чтобы затронуть все вопросы партийной жизни» [2, л. 62]. «Большинство на стороне ЦК, – констатировал сотрудник «Корпус» из типографии №31, – а часть резко высказывалась за Преображенского» [2, л. 63].

Данную тему освещали также агенты «Коля» (секция печатников при бирже труда), «Мамаев» (пивная Трехгорного завода №18), «Ястребов» (8-я экспедиция почтамта), Иванов (контрольно-справочный отдел «Центеля») и еще 22 сотрудника. Таким образом, информацию по одному и тому же вопросу дали 30 агентов, работавших в различных учреждениях. Картина преобладающего настроения работников этих предприятий и учреждений была вполне ясна. Наряду с данным вопросом сотрудник «Вера», например, сообщал известные ему сведения о перевыборах в партийных органах. «Из достоверных источников мне известно, – доносил он, – в Воскресенском уезде прошли перевыборы укома и выборы на губконференцию, где прошли оппозиционеры, в Московском УК и Сокольническом РК – наполовину». Такая информация позволяла предпринять соответствующие меры и подготовиться к возможной на губконференции дискуссии.

Весьма информативна и интересна, на наш взгляд, разработка оппозиционной группы, проведенная в декабре 1923 г. в Москве. Меморандум по делу «Инспектор» наглядно демонстрирует методы и формы работы ГПУ в деле раскрытия деятельности антиправительственных организаций. Случайная встреча сексота №391 агентбюро Особого отдела ОГПУ с его бывшим учителем И.А. Поповым (он уже задерживался ВЧК в 1920 г.) [2, л. 52], служащим налоговым инспектором в Мосфинотделе, послужила началом оперативной разработки. В момент первой встречи, получив информацию, что агент окончил Кремлевскую школу и является в ней преподавателем физкультуры, Попов пригласил его к себе. Однако, узнав, что тот – член РКП, от вопросов воздержался. В деле имеется весьма интересная характеристика самого секретного агента: «Молод, слабо развит, в работе, безусловно, агентурного опыта, выдержки и гибкости не имеет» [2, л. 52].

Было решено воспользоваться ситуацией: Попов по-прежнему считал агента своим учеником, «мальчиком» и рассчитывал на свой авторитет. Вторая встреча произошла на квартире Попова, в которой, согласно наблюдению агента, кроме жены М.Н. Романович были два неизвестных студента. Во время третьей встречи сотрудник познакомился с курсантом инженерной школы Владимиром Александровичем, «точно информирующим Попова обо всей жизни своей школы, ее структуре». Агенту были заданы вопросы

о системе охраны Кремля, местожительстве вождей, способах прохода в Кремль и о степени бдительности часовых. «По словам Попова, – отмечено в меморандуме, – у него в Москве много знакомых, занимающих ответственные должности в войсках, ... Штабе РККА и информирующих его» [2, л. 53]. Высказанное агентом желание уйти из партии вызвало протест Попова. С сожалением констатируется: «Молодость секретного сотрудника, отсутствие у него связей... не дает агентурной разработке возможности введения через него в дело агента-профессионала». Четвертая встреча сопровождалась вопросами о квартирах Каменева, Рыкова, Троцкого, Стеклова и Калинина, а также о возможности посещения собраний в Кремле. Составителем документа отмечена четкая периодичность встреч Попова с агентом: два раза в неделю в одно и то же время.

С 10 по 23 октября за Поповым было установлено наружное наблюдение, которое использовалось в качестве вспомогательного к наблюдению внутреннему. Подчеркивается «нерасшифрованность наблюдения». Было выяснено, что Попов в 1919 г. работал в Алексеевском комиссариате и имел конспиративную квартиру, на которой собирались меньшевики. На девятой встрече он выяснял у сексота возможность достать 100-200 пропусков в Кремль, а также информацию, «в каком месте лучше всего пройти» [2, л. 54]. Примечание сотрудника особого отдела (ОО) ОГПУ гласит: «Попов производит впечатление опытного, осторожного работника одной из антисоветских партий. Наиболее близок к социалистам-революционерам и савинковцам».

Во время пятнадцатого посещения жена Попова, Романович, передала агенту конверт с просьбой вскрыть его на улице. В нем оказалось 500 рублей. Снова обратимся к примечанию. Сотрудник ОО констатирует: «Последнее отчетливо говорит об отношении Попова к агенту. Передать при данном положении деньги на трамвай можно лишь мальчику. ...он (агент) в присутствии Попова тушует... Эта ошибочная линия, взятая агентом вначале... не дает возможности быстро изменить положение или ввести через агента второе, более солидное и авторитетное лицо» [2, л. 55].

На встрече, состоявшейся 3 декабря, Попов проанализировал общественную активность агента и «пришел к выводу, что последний обладает слабой политической активностью». В беседе с агентом он особенно подробно останавливался на вопросах конспирации, «прося агента не делать никаких записей» [2, л. 56]. На этой встрече Попов впервые дал характеристику круга своего общения и назвал его «народной партией», которая «хочет, чтобы на съезде рухнуло «жидовское царство», путем недопуска их в правление». Агенту были поставлены задачи выяснения расположения квартир Троцкого и Литвинова,

структуры охраны Кремля и «наличия сигналов из Кремля в ГПУ». По мнению сотрудника ОО ОГПУ, «оценка политической личности агента, данная Поповым, еще раз подтверждает слабость агента и отсутствие определенной линии в ведении разработки ОО ОГПУ, который не смог, хотя бы искусственно, поднять авторитет агента» [3, л. 56].

Программные положения партии, представителем которой являлся Попов, сводились к следующему: «1. Провести окончательный раскол в РКП и в их главной опоре – ГПУ. Раскола ГПУ они страшно боятся, но это будет; 2. Вырвать у коммунизма управление Республикой и ограничить права «еврейской сволочи» [3, л. 57]. Проанализировав сложившуюся обстановку, в ОО ОГПУ был составлен «План разработки на ближайшее будущее» [3, л. 59]. Во-первых, предполагалось уточнить взаимоотношения Попова и агента № 391. Во-вторых, через последнего, по мере возможности, ввести в круг Попова агента контрразведывательного отдела (КРО), «под видом одного из близких друзей, с целью углубления разработки». Было решено параллельно заняться разработкой Романович, жены Попова. Далее предполагалось установить всех лиц, бывавших у Попова, с параллельной разработкой самых близких из них.

Агентурные сведения играли важную роль в раскрытии деятельности антисоветских партий и групп. В июле 1923 г. в Петрограде губотделом ГПУ были арестованы и привлечены к дознанию по ст. 63 и 73 УК меньшевики А.Н. Карасик, П.Я. Голиков, В.Н. Катин-Ярцев, В.А. Конторович и другие. «Поводом к аресту послужили агентурные сведения, что названные выше лица являются активными членами РСДРП, пролезая в советские учреждения под маской беспартийных, они занимаются антисоветской деятельностью, выступают на общих собраниях с острой критикой некоторых мероприятий советской власти», – подчеркивалось в документе [4, л. 16].

Обратимся к докладу Костромского губернского отдела ОГПУ по партии меньшевиков за январь 1925 г. В так называемую проработку попали 5 человек: по Солигаличскому уезду – 1 («твердый»), по Костроме – 4 («бывшие»). Из последних, по свидетельству начальника губотдела ОГПУ Иванова, завербован один осведомитель [5, л. 386с]. Всего на «твердом учете» состояло 9 человек, учете «бывших» – 68. Из них 26 были осведомителями, 32 человека опубликовали заявление в печати об отказе от своих убеждений [5, л. 386с]. В целом количество наблюдаемых составляло 77 человек.

В докладе нашли отражение методы и способы деятельности местных органов ГПУ. Рассмотрим их подробнее. Содержится указание на использование перлюстрации корреспонденции. Из 150 писем, прошедших таковую, «каких-либо указаний на партийную связь, критические суждения по мероприятиям

Советской власти изъято не было» [5, л. 386с]. Отмечалось, что среди рабочих местных предприятий «меньшевистского влияния не чувствуется». Особой оценке в данном докладе подвергалась организационная оформленность меньшевистского движения. С удовлетворением констатируется, что меньшевики «организованной связи между собой не имеют... настроение подавленное, и признаков возобновления работы не наблюдалось» [5, л. 386с об.]. Эти сведения были получены «путем внутреннего и наружного наблюдения и перлюстрации корреспонденции». Особо подчеркивается, что публикуемые в печати заявления меньшевиков «усугубляют неприязненность друг к другу».

Лица, принадлежащие к партии левых эсеров, находились в сфере внимания органов ЧК и ОГПУ на протяжении нескольких десятилетий. В 1922 г. Костромской губЧК было заведено дело под названием «Дело левых социалистов-революционеров города Костромы», по которому проходили 13 человек. В нем содержались краткие характеристики каждого из наблюдаемых. Указанные в деле И.А. Силантьев, И.М. Солодкин (арестовывался ЧК в 1921 г.), И.М. Козлов, В.Д. Потапов, Е.А. Панова, М.И. Охнин, А.Н. Виллимович, Н.И. Кокорев, П.Ф. Воровчиков, В.Н. Никитин, И.С. Казакевич и М. Быстров никак себя не проявляли [6, л. 2, 3]. Таким образом, в сферу внимания Костромской ЧК попали люди, не проявлявшие себя как левые эсеры и виновные только в том, что когда-то состояли в рядах этой партии. На 1 декабря 1924 г. в списке членов партии левых эсеров значилось 72 фамилии [7, л. 1об.]. Из них трое привлекались к уголовной ответственности, один, И.Ф. Волков, выбыл, были приняты меры к его розыску [7, л. 1об., 2]. Двое стали членами РКП (б) [7, л. 3об.]. М. Быстров, привлекавшийся Харбинским судом за принадлежность к партии социалистов-революционеров, выбыл в Томск. «Дело его послано туда при отношении от 30 мая», – отмечено в документе.

В списке заподозренных в антисоветской агитации – «шептунов» по Солигаличскому уезду Костромской губернии числилось 5 человек. И.Г. Гуляев (1874 г. р.), крестьянин, «принадлежит к эсеровскому течению». Агенты наружного наблюдения Цезарь и Седов, заведующая культурно-просветительным кружком Верховская сообщали: «Выступает среди населения с агитацией эсеровского направления, вниманием среди населения не пользуется» [8, л. 1, 2]. Активным агитатором, принадлежащим к «белоправому течению», был признан крестьянин Ф.М. Кутузов. «Ведет среди крестьян антисоветскую пропаганду, – свидетельствовали агенты наружного наблюдения Луч и Седов, – пользуется доверием среди крестьянских масс» [8, л. 3]. К эсеровскому течению принадлежал и крестьянин М.Т. Савин. «Ведет эсеровскую пропаганду, а сам не состоит в партии. Довольно зажиточный», – доносили

агент наружного наблюдения Седов и военком Дегтярев [8, л. 5]. Военно-цензурным отделом был взят на заметку П.В. Жижиков, «принадлежащий к течению против коммунизма». В деле отмечено: «Ведет агитацию против коммунистов посредством переписки». Отделом было перлюстрировано письмо Жижикова, отправленное в Красную армию: «Всем нашим коммунистам, которые у нас есть, как я их знаю, называют бумажными. Так снимал бы головы, только не в силе один ничего сделать» [8, л. 6].

Представители оппозиционных партий, выезжавшие куда-либо из местности проживания, по-прежнему оставались в сфере наблюдения соответствующих органов. Так, 21 января 1922 г. председатель Костромской губЧК Огибалов сообщал в Смоленск: «Возьмите на учет левого эсера Бовкова, выбывшего из пределов Костромской губернии в 1918 г. в Оршу и работавшего там в Унаробразе. О результатах сообщите» [9, л. 2]. В свою очередь, из Иваново-Вознесенска 26 января 1922 г. информировали: «Горский А.П. проживает в Юрьевце, состоит на учете. Имеющиеся на Горского материалы высылайте» [9, л. 4]. Наблюдению подлежали не только бывшие царские сановники, но и их родственники. Тверская ЧК, например, в 1920 г. установила наблюдение за сыном бывшего министра Штюрмера. «За ним были неоднократные слежки, – отмечалось в донесении, – из которых выяснилось, что он ничего вредного для Советской власти из себя не представляет» [10, л. 11]. И все же бывшие прокуроры, земские начальники, судьи, товарищи прокурора, канцелярские чиновники, кандидаты на судебные должности попали в «Список секретного отделения Костромского Окружного ОГПУ на разную царскую администрацию», составленный 15 июня 1930 г. В него были включены 920 человек [11]. В специальные списки заносятся бывшие провокаторы.

В сферу внимания чрезвычайных комиссий попадали бывшие члены РКП, почему-либо исключенные или добровольно вышедшие из ее рядов. Весьма характерно в связи с этим следующее обращение Тверской ЧК к Тверскому губернскому комитету партии. «Тверская ГубЧК, – отмечалось в послании от 26 мая 1921 г., – просит в срочном порядке сообщить сведения о лицах, добровольно вышедших из партии, охарактеризовав их последующую деятельность, и по отношению к коммунистической программе и советской власти (по выходе из партии)» [12, л. 7]. Термином «бывшие» объединялись не только те, кто вышел из РКП, но и лица, состоявшие ранее (до революции) в РСДРП, но принадлежавшие к крылу меньшевиков. 22 декабря 1921 г. на учет был взят С.И. Горский, активный деятель меньшевизма, 1 января 1922 г. – П.П. Беляев (уже умерший к моменту составления списка «бывших» в 30-е гг.) [5, л. 63]. В.И. Смирнов, взятый на учет 10 июня 1920 г., имел высшее историческое образование, состоял председателем общества краеведов и работал заведующим музеем. В деле имеется его характеристика, из которой видно, что Смирнов был первым из организаторов Костромской организации РСДРП и состоял ее руководителем, а также членом губернского комитета партии до 1918 г. Тогда же «после ликвидации местной организации ушел в подполье, оставаясь работать в Комитете общественной безопасности, был следователем Комитета, вел разработку архивов жандармерии» [5, л. 64]. Будучи председателем научного общества, используя архивы, вместе с «группой меков разрабатывал провокаторов». Вплоть до 1923 г. сохранял у себя партийные документы. «Входил в подпольную группу меков Беляева и др., осужденных в 1923 г., – отмечено в характеристике, – но сам под суд не попал. В группе был содержателем конспиративки» [5, л. 64]. Смирнов отказался опубликовать в печати факт выхода из партии, «мотивируя партийной незтичностью». По данным научных краеведческих работников Костромы, Смирнов имел большие связи в Москве, Ленинграде и с заграницей. В характеристике отмечено, что он сохранил прежнюю идеологию, дисциплинирован, «может занимать в партии ответственные посты союзного масштаба». Признавалось, что Смирнов «держит под влиянием своей идеологии местную интеллигенцию». В деле имеется пометка: «Арестован в 1930 году».

В список членов РСДРП меньшевиков, составленный 30 марта 1923 г., вошли 128 человек [5, л. 78]. Разработке и розыску по Костромской организации меньшевиков подлежали 139 человек (список составлен 1 апреля 1923 г.) [5, л. 82]. Периодически списки пересматривались. Так, например, в 1929 г. с учета были сняты 5 человек. Среди них, например, Ф.Д. Ермолин, рабочий-текстильщик, случайно вступил в партию «меков» в 1917 г. и в том же году выбыл. «За последние 10 лет ничем себя не проявляет, никакого наблюдения не требует», – отмечено в деле [5, л. 89].

В январе 1930 г. в Костромском отделе ОГПУ была составлена «Краткая история о социал-демократах меньшевиках Костромского округа» (в дореволюционное время департамент полиции составлял обзоры о деятельности той или иной политической партии в целях ознакомления жандармских офицеров, служащих в губернских жандармских управлениях и охранных отделениях. В некоторых регионах также составлялись обзоры деятельности оппозиционных партий в рамках конкретной губернии). Отмечается, что формальной датой зарождения объединенной социал-демократической организации в Костроме считается забастовка ткачей фабрики Зотова в 1897 г. Выделение меньшевистской организации в качестве самостоятельной политической силы произошло после Февральской революции. Тогда же начала выходить и их газета «Наш путь». Таким образом, начало формального существования меньшевистской

организации датируется августом 1917 г. Период легального существования организации (1917–1918 гг.) характеризовался выпуском газеты и устройством митингов и лекций, которые «разлагающе действовали на массу и, ввиду чего, меньшевиков пришлось изолировать» [5, л. 113–114]. С этого момента партия перешла на нелегальное положение. Органам ЧК удалось установить, что в 1919 г. меньшевики устраивали нелегальные собрания на квартирах, а переписку с ЦК партии поддерживали почтой. В организации насчитывалось около 20 человек, преимущественно интеллигенции. Организаторами являлись В. Беляев, Д. Беляев, И. Пучков. В марте 1921 г. в результате проведенной операции организация меньшевиков была разгромлена, а 10 наиболее активных членов арестованы. На квартире Беляевых был арестован весь архив партии. Меньшевики, а задержанные Костромской губЧК, дали подписку о «невыезде из Костромы и неведении меньшевистской работы». В конце февраля 1923 г. из Москвы в Кострому для обмена информацией и ознакомления с работой местной организации приезжал представитель ЦК РСДРП (м) нелегал по кличке «Матвей». Вновь меньшевистская ячейка была разгромлена Костромским губотделом ОГПУ 6 мая 1923 г. Из восьми арестованных часть была заключена в изолятор, а другие высланы из Костромы. В дальнейшем (к 1931 г.) был обновлен учет меньшевиков. На твердом учете состояли 11 человек, стало – 5, один из которых – осведомитель [5, л. 116]. Из 9 человек, состоявших на учете легалистов-меньшевиков, 6 были сняты с такового.

Ликвидацию партии меньшевиков предполагалось осуществить не только карательными методами. В этой связи интересен секретный циркуляр №81, разосланный ЦК РКП (б) 3 января 1924 г. [13, с. 24]. Губкомам партии рекомендовалось «не чинить препятствий объединению бывших меньшевиков». Предлагалось срочно сообщить, имеются ли в губернии группы бывших меньшевиков, из кого они состоят и кем возглавляются. «Со своей стороны, ЦК предлагает, – отмечалось далее, – что постановления отдельных групп бывших меньшевиков о роспуске тех или иных партийных организаций лишь в том случае являются авторитетными, если такие группы будут достаточно многочисленными и будут состоять по преимуществу из рабочих». В случае, если такие группы будут созданы в крупных промышленных центрах, появится возможность «поставить вопрос об организационной ликвидации меньшевистской партии во Всесоюзном масштабе».

Интересен доклад Тверского отдела ГПУ о состоянии партии левых социалистов-революционеров с января по октябрь 1922 г. [14, л., 1об., 2]. В Твери была одна легальная организация левых эсеров, во главе которой стоял член Центрального бюро партии Л.К. Мошин. Деятельность организации «проходила

при непосредственном руководстве ЦК партии». В январе по предложению ЦК обсуждался вопрос об убийстве секретного сотрудника ГПУ Ястреба. «Вопрос остался открытым», – отмечено в докладе. В феврале местным ГПУ было замечено проникновение левоэсеровской литературы (журнал «Вестник») в сельскую местность, фабрики и учебные заведения. Обнаружена связь группы со своими членами в В. Волочке, Лихославле. Констатировалось, что левые эсеры начинают открыто выступать на митингах против РКП. Март ознаменовался попытками левых эсеров объединиться с правыми. Мошин дал задание левому социалисту-революционеру, делегату губконференции секретному сотруднику ГПУ Розанову «произвести объединение с правыми эсерами в Старицком уезде и в дальнейшем, под видом беспартийного, начать проникать в кооперацию и распространять свою литературу в массах» [14, л. 1]. Полностью из эсеров состоял и президиум губернской крестьянской конференции. Последний «противился всем предложениям коммунистов, критикуя центральные органы Советской власти».

Для данного периода характерно и большое количество левоэсеровской литературы, «как в деревне, так и в рабочих районах». Встреча правого социалиста-революционера Покровского и левого эсера Тихомирова закончилась, по данным ОГПУ, соглашением о возможности объединения. Левые эсеры, хотя и не официально, все же руководили забастовкой на Тверской мануфактуре, выступая на митингах и беседуя с рабочими. После прекращения забастовки их деятельность сосредоточилась на кооперации, «откуда всех увольняли по сокращению штатов». На состоявшемся 28 мая на квартире Мошина собрании (присутствовали 4 человека) постановили командировать на Всероссийский съезд партии Мошина и Зуева [15, л. 1об.]. Отъезд Зуева на лечение и Власово-Окского в Нижний Новгород вызвали ослабление активности левых эсеров, которая выражалась в основном в кружковой работе. В письме Власово-Окского содержались директивы и «чисто партийная информация». По свидетельству начальника Тверского отдела ОГПУ, открытой деятельности левые эсеры больше не вели, хотя и имели тесную связь с Центральным бюро партии и другими организациями левых социалистов-революционеров, осуществляемую через литературно-художественный кружок имени Никитина. Отмечено, что ослабление активности вызвано паникой после обысков и вероятности арестов. Руководитель организации Зуев «подозревает участие в их работе наших секретных сотрудников (несомненно, такие были), а поэтому Тверская организация левых социалистов-революционеров находится в стадии изыскания методов дальнейшей работы, имея в наличии 27 членов» [15, л. 2]. Проведя ряд обысков, органы ОГПУ заста-

вили левых эсеров практически прекратить работу и заняться поиском агентуры. Итак, в организации тверских эсеров налицо шпикомания, которая, как и в дореволюционной России, дестабилизировала деятельность организации, часто и вовсе блокируя ее.

На протяжении многих лет в сфере внимания органов ЧК, ГПУ и ОГПУ оставались не только лица, принадлежавшие к оппозиционным партиям, но и участники контрреволюционных восстаний. Так, в начале 30-х гг. был составлен список участников мятежей и политбандитов, проходящих по проработкам и агентурным материалам. В нем было указано 373 фамилии [16, л. 43]. 31 декабря 1941 г. датирован

«Список-справочник участников мятежей, восстаний и выступлений против Советской власти на территории бывшей Костромской губернии (1918–1921 гг.)», выявленных по архивным материалам, хранящимся в Костромском филиале Ярославского областного архива. Указаны фамилия, имя, отчество, год рождения, происхождение, занимаемая должность, а также форма участия в выступлениях (установлена ли судимость и мера наказания). Всего в списке значится 727 человек [17]. Думается, активизировать такую работу заставила начавшаяся война, ведь все «бывшие», по мнению соответствующих органов, являлись весьма неблагонадежным элементом.

Библиографический список

1. Центр документации новейшей истории Якутской области (ЦДНИЯО). – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 595.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 76. – Оп. 3. – Д. 318.
3. РГАСПИ. – Ф. 76. – Оп. 3. – Д. 325.
4. РГАСПИ. – Ф. 76. – Оп. 3. – Д. 297.
5. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 13.
6. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 11.
7. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 12.
8. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 5.
9. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 8.
10. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 442.
11. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 14.
12. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 939.
13. Возвращение к правде. Из истории политических репрессий в Тверском крае. – Тверь, 1995.
14. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 237.
15. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 227.
16. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 2.
17. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 20.